

ЗВЕЗДЫ

Общая гал. -1995.-
12 окт. - с. 15.

Огней так много золотых...

АЙУ МЕНГЛЕТ

все знают по знаменитому «Дело было в Пенькове». Потом были еще работы в кино — «Исправленному верить», «Матрос с кометы», но уже не столь знаменитые, и роли в театре — имени Станиславского. Казалось бы, всем известное имя, но одновременно и неизвестное: как жилось актрисе все эти годы? Почему недолго горела ее ярко вспыхнувшая звезда?

— Любите ли вы, Майя Георгиевна, смотреть вместе с нынешними зрителями «Дело было в Пенькове»? Что вспоминаете о тех временах?

— В первую очередь, я вспоминаю о своих студенческих годах — ведь снималась я в фильме третьекурсницей школы-студии МХАТ. Курс был замечательный: Женя Урбанский, Олег Табаков, Валя Гафт... Снималась, хотя наш ректор Вениамин Радомысленский не любил отпускать студентов на съемки, боялся, что киноатмосфера нас испортит, что молодые люди зазнаются и это искалечит их дальнейшую жизнь...

Не могу сказать, что я люблю пересматривать этот фильм, но иногда... одним глазом... и, знаете, не пахнет от фильма нафталином. Нравственная чистота моей героини, Тони — трогательная. Я, кстати, знаю молодых девушек и юношей, студентов химического факультета МГУ, где учился мой младший сын, и они в чем-то, хотите — верьте, хотите — нет, похожи на Тоню. С моей точки зрения, сегодняшняя молодежь бывает (и нередко) в своих проявлениях очень чистой и очень хорошей, несмотря на то, что они более раскованы, более всезнающи, более образованы в каких-то отношениях, в которых мы были совершенно темными. И даже школьники, внуки моих друзей, смотрят этот старый фильм, и он их волнует, несмотря на то, что многое там с их точки зрения примитивно. А это, в конечном счете, для искусства самое главное: эмоциональное воздействие.

Я, может быть, рассуждаю сейчас с позиций немолодой уже артистки, но меня иногда в очень талантливой театральной молодежи (я имею в виду не только наш театр) огорчает отсутствие какой-то одержимости, влюбленности в театр. Потому что, когда мы пришли, мы ощущали трепет, пусть это звучит старомодно... Мы пришли сюда с Женей Урбанским, Олей Бган, Ниной Веселовской, здесь был уже Евгений Леонов, были замечательные актеры. Было другое время, и было другое ощущение всего...

— Вы, Урбанский, Веселовская...

Все вы были уже к тому моменту звездами в кино...

— Мы себя не ощущали звездами. Никто, даю честное слово. Мы были настолько юные и неискушенные, что об этом речи не было. Мы сами не успели оценить свою популярность. Я прекрасно помню один день, когда я проходила мимо кинотеатра «Москва», где красовался мой огромный портрет в роли Тони, и я старалась сжаться, опус-

и в театре. И очень, очень — на удивление — похож на своего деда.

Аномалия в нашей семье — младший мой сын. Он химик, защищает докторскую диссертацию. Он одержимый, ненормальный и, говорят, очень талантливый. А у меня это был самый ненавистный предмет в школе, одно слово «валентность» до сих пор приводит меня в ужас.

— Простите меня, Майя Георги-

тывать глаза. Не было у меня полета с высоко поднятым носом, наоборот, казалось, что ужасно будет, если меня узнают.

А к моему папе подошли после фильма (он в кино принципиально не снимался, поэтому широкий круг зрителей знал его в то время меньше, чем меня после первого фильма) и спрашивали: имеет ли он какое-нибудь отношение к той Майе Менглет, которая снимается в кино. Это, конечно, было несправедливо, но было именно так...

— Георгий Павлович помогал вам когда-нибудь?

— Нет, никогда. Вообще, мои родители активно в мою жизнь никогда не вмешивались. Папа и мама жили всегда отдельно, а я жила у бабушки с дедушкой, сначала в моем родном городе Воронеже, где все мои родные с папиной стороны, а потом переехала в Москву. Я начала заниматься в театральной студии при Доме пионеров, потом поступила в школу-студию МХАТ. Мой дипломный спектакль, «Фабричную девочку» Володина, ставил Олег Николаевич Ефремов. А у меня уже на третьем курсе родился сын, и мама привозила его в театр, мы делали вынужденную паузу, ставили ширмочку, и за ней я кормила своего малыша. И, видимо, он все-таки всосал любовь к театру с моим молоком, потому что стал актером. Правда, не у нас, а в другой стране. Он замечательно работает и в кино,

но хочется спросить, вам не кажется, что ваши актерские силы, способности использовались даже самыми талантливыми режиссерами лишь частично, в небольшой степени?

— Безусловно. И, конечно, у меня ощущение того, что полностью как актриса я не состоялась. Наверное, это чувство есть у большинства актеров. Я не реализовала себя и наполовину. Не потому, что ко мне плохо или несправедливо относились. Это, конечно, и мой характер. При всей моей влюбленности в театр, при всей трепетности отношения к нему, у меня не было полной отдачи только театру. Я не могла в силу своей природы отдавать все время театру, для меня всегда очень много значил мой дом, которым я не смогла пожертвовать. И поэтому, наверное, я не могу сказать, что я несчастна в театре; ведь я выбрала свою судьбу сама.

Вот я часто вспоминаю Олю Бган, с которой мы вместе пришли в театр. Она ругала меня: куда ты все собираешься, у нас внеплановые работы, какие-то задумки, а ты мчишься домой!.. А я, действительно, мчалась, потому что любила свой дом и хотела домой... При том, что у меня была изумительная мама, которая помогала воспитывать мальчиков. Я горжусь тем, что мои сыновья так образованы, начитаны, имеют вкус и жажду к литературе.

Нет, я не сетую на судьбу, хотя

бывают моменты, когда мне ужасно одиноко и обидно, но винить некогда... Я помню момент, когда к нам пришли ученики режиссера Андрея Попова, и Райхельгауз хотел, чтобы я сыграла в «Закате» Бабеля, но это так и не состоялось. Ставили пьесу Коростылева «Бригантина» — играли Урбанский, Ритенбергс, Бган и я — пьесу закрыли... Таких случаев было много, и они всякий раз подсекали. А я человек эмоциональный, и очень все это переживала. И начинала сразу же бурно реализовывать себя в бытовых проблемах: печь пирожки, готовить, потому что куда-то надо выплеснуться. Я по характеру очень похожа на свою бабушку Катю, папину маму: она была очень добрым человеком, очень любящим людей, и с возрастом, наверное, я начинаю чувствовать, что и для меня это становится главным — любить людей. Для меня оказать человеку какую-то реальную помощь — будь то даже мелочь какая-то, очень важно, для меня это почти как счастье от хорошо сыгранной роли.

— Много у вас друзей?

— Есть несколько человек, которые, я знаю, меня не предадут. А разве друзей должно быть больше? Внешне ко мне многие хорошо относятся, но вы ведь знаете нашу среду, нашу специфическую профессию, поэтому в искренность всех верить трудно... Близкие люди — мои сыновья, мне повезло с сыновьями. У них, особенно у младшего, очень узкий круг общения — это интеллектуальные ребята, любящие книги, театр. И я думаю, нашей молодежи сегодня стоит задуматься о накоплении нематериальных богатств. Вокруг видишь много бизнесменов, экономистов, наверное, небестальных, но через двадцать минут их рассказа об успехах и заработках мне становится грустно — они ходят только на эти тусовки, презентации своих бизнес-клубов, конечно, сейчас другая жизнь, другое время, но все же...

— Что в вашей жизни вы считаете главным?

— Теперь уже, с позиций возраста, я считаю самым важным иметь хороший дом. Все в театре знают, как я люблю готовить. Я иногда ругаюсь, что меня заставляют кухарить, но обожаю это. Вот придете ко мне на пироги или плов, оцените...

— Спасибо. А театральные планы, какие они?

— Сейчас мы с мужем Леонидом Сатановским готовимся к благотворному спектаклю «Филумена Мортурано». Я благодарна театру и судьбе за этот подарок, и очень надеюсь на эту работу...

Беседу вела
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ